

Серебренников С. В. Переписка японских военнопленных в лагерях НКВД—МВД СССР (1945—1956 гг.): обзор отечественной и зарубежной историографии / С. В. Серебренников // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 186—208. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-186-208.

Serebrennikov, S. V. (2018). Correspondence of Japanese War Prisoners in Camps of People's Commissariat for Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the USSR (1945—1956): Review of Domestic and Foreign Historiography. *Nauchnyy dialog*, 1: 186-208. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-186-208. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8+355.257.72(520)“1945/1956”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-186-208

Переписка японских военнопленных в лагерях НКВД—МВД СССР (1945—1956 гг.): обзор отечественной и зарубежной историографии

© Серебренников Сергей Владимирович (2018), orcid.org/0000-0002-4019-2292, кандидат исторических наук (Кемерово, Россия), Serebrennikov_S@list.ru.

Впервые рассматриваются особенности освещения отечественными и зарубежными исследователями переписки японских военнопленных, размещенных в лагерях НКВД—МВД СССР (1945—1956 гг.). Статья содержит историографический анализ работ историков России, Казахстана, Швейцарии, Японии, опубликованных в период с 1992 по 2017 годы, в которых в той или иной степени освещалась переписка японских военнопленных. Выявлены и проанализированы сведения о различных аспектах данной темы, содержащиеся в диссертациях и монографиях, научных статьях российских и зарубежных исследователей. Автор выявил, что к настоящему времени, несмотря на большое количество научных работ о японских военнопленных, не издано ни одной работы, посвященной переписке японских военнопленных, размещенных в лагерях на территории СССР. Тем не менее вопрос нашел отражение в диссертациях, монографиях, научных статьях, посвященных иностранному военнопленному второй мировой войны в СССР. Однако анализ особенностей освещения историками переписки японских военнопленных с родными и близкими принят в данной статье впервые. Определены как достижения, так и недостаточно изученные аспекты проблемы. Выявлен целый ряд вопросов и перспективных направлений, требующих дальнейшего изучения.

Ключевые слова: японские военнопленные в СССР; ГУПВИ; лагеря НКВД—МВД СССР; переписка военнопленных; цензура; отечественная историография; зарубежная историография.

1. Введение

Одним из результатов советско-японской войны 1945 года стало пленение большей части Квантунской армии и размещение на территории СССР, по разным оценкам, от 540 до 610 тыс. бывших военнослужащих японской армии [Кузнецов, 2011, с. 580].

Видный российский историк военного плена Н. В. Суржикова писала: «...несмотря на экстремальные условия, в которые была поставлена страна, сталинское руководство нашло возможным одновременно с содержанием громадных масс военнослужащих и гражданского населения сохранить жизнь и содержать внушительное количество военнопленных. Их эвакуация с фронтов, оборудование лагерей в тыловых районах страны, охрана, обеспечение регулярным питанием, вещевым довольствием, медицинским обслуживанием, *организация почтовых отправок* (выделено мной. — С. С.) и трудового использования потребовали проведения колоссального объема работ и вложения значительных материальных средств, в том числе и в ущерб своим, советским, гражданам» [Суржикова, 2006, с. 388].

Но, несмотря на большое количество научных работ о японских военнопленных, к настоящему времени не издано ни одной работы, посвященной переписке японских военнопленных, размещенных в лагерях на территории СССР. Тем не менее, в той или иной степени, вопрос нашел отражение в диссертациях и монографиях о японских военнопленных, а также иностранных военнопленных второй мировой войны. Опубликован и целый ряд научных статей, авторы которых затрагивают интересующий нас вопрос. Однако анализ освещения историками переписки японских военнопленных с родными и близкими до сих пор не был осуществлен.

2. Переписка японских военнопленных в публикациях российских историков 1990-х годов

Первым о переписке японских военнопленных написал историк из Улан-Удэ О. Д. Базаров. В 1992 году он упомянул о ней в небольшой статье, посвященной японским пленным, размещенным на территории Бурят-Монгольской АССР. Автор утверждал, что «*к середине 1946 г.* (выделено мной. — С. С.) положение военнопленных несколько улучшилось. Наладилась *переписка с родными* (выделено мной. — С. С.)» [Базаров, 1992, с. 73]. Других сведений, а также ссылок на документы, подтверждающие наличие переписки к середине 1946 года, он не привел.

В учебном пособии, изданном иркутским историком С. И. Кузнецовым в 1994 году, а также в защищенной им в том же году докторской

диссертации вопрос о переписке японцев также нашел отражение. Историк отметил, что переписку с родными и близкими пленным разрешили в 1946 году (месяц не был указан), причем только на бланках «Письмо военнопленного», предоставляемых администрацией лагерей [Кузнецов, 1994а, с. 93]. С. И. Кузнецов первым из исследователей отметил, что для обработки писем военнопленных «во Владивостоке была создана цензура из числа переводчиков японского языка, здесь сосредотачивалась вся корреспонденция японцев» [Кузнецов, 1994а, с. 93]. Он указал, что цензура не разрешала пленным:

- упоминание о местонахождении лагеря,
- критику в адрес Советского Союза и Советской власти.

Далее историк отметил: «то, что цензурой расценивалось как крамола, добросовестно вымарывалось в письмах черной тушью» [Кузнецов, 1994а, с. 93]; «Письма, представляющие оперативный интерес, передавались цензорами руководителю цензорской группы» [Кузнецов, 1994а, с. 93].

И, наконец, историк отметил, что много лет спустя в Японии были опубликованы наиболее интересные из писем военнопленных, которые «доносят чувства бывших солдат по поводу разгрома японской армии и трагедии сибирского интернирования. Некоторые из писем оказались своеобразными произведениями эпистолярного жанра» [Кузнецов, 1994а, с. 93].

В его диссертации эти сведения из учебного пособия были повторно опубликованы.

Во второй половине 1990-х годов О. Д. Базаров и С. И. Кузнецов опубликовали монографии, в которых затрагивался вопрос о переписке японских военнопленных.

О. Д. Базаров не пишет, с какого времени японским пленным было разрешено отправлять письма. Но отмечает, что «до января 1948 года военнопленные могли не чаще, чем один раз в 2—3 месяца писать» [Базаров, 1997, с. 25]. Историк указывает, что пленные могли отправлять на родину только «открытые письма (на почтовых открытках)», и разъясняет, что они собой представляли: «Эти открытки были разделены на две части — на одной писалось письмо, а на другой половине ответ. Таким образом, в Японии не оставалось документальное свидетельство о военнопленном» [Базаров, 1997, с. 25]. Эти слова историка выглядят наивно. Во-первых, не оставалось само дошедшее до адресата письмо (открытка), если оно отправлялось обратно, в СССР. Но скопировать (сфотографировать) его было не трудно; во-вторых, «не оставалось, — как пишет историк, — документальное свидетельство» только в том случае, если из Японии ответ отправлялся.

О. Д. Базаров сообщает важные сведения из инструкции МВД № 00939 от 22 октября 1946 года, в которой пленным запрещалось сообщать определенные сведения в письмах:

- места дислокации лагерей,
- сведения о болезни и смерти японцев,
- сведения о промышленных объектах, о характере работ,
- сведения о жизни советских людей,

«и тому подобное», — заключает историк [Базаров, 1997, с. 25].

Корреспонденция тех, кто нарушил запреты, «арестовывалась», — указал историк [Базаров, 1997, с. 25]. И привел данные за 1947 год, в течение которого за нарушения установленных правил переписки «цензорским отделением было задержано около сорока тысяч писем военнопленных японцев [Базаров, 1997, с. 25]. Автор сослался при этом на данные Архива МВД Республики Бурятия (ф. 50-л).

О. Д. Базаров рассматривает ситуацию с перепиской военнопленных в духе концепции тоталитаризма и скептически оценивает возможность для многих из них связаться с родными и близкими. Он приводит целый ряд причин:

- перевод пленных из одного лагеря в другой,
- перевод в другой район СССР,
- направление в пункт репатриации,
- болезнь (если «кто-то попадал на больничную койку спецгоспиталя или гражданской больницы»).

Ответа от родных и близких при названных выше обстоятельствах, по мнению О. Д. Базарова, военнопленный уже не получал. При этом автор не привел цифр количества пленных, переведенных в другие лагеря, и не объяснил причины, по которым терялась возможность доставить ответ пленному, если он попал в госпиталь.

Завершая освещение вопроса о переписке японских пленных, О. Д. Базаров сообщил сведения о постоянных почтовых адресах лагерей и спецгоспиталя, находившихся на территории Бурятии: «лагерь МВД № 6 — «СССР, лагерь № 7006», лагерь МВД № 30 — «СССР, лагерь № 7030», спецгоспиталь № 944 — «СССР, лагерь № 2944» [Базаров, 1997, с. 25].

С. И. Кузнецов в своей монографии опубликовал тот же текст, который в 1994 году был размещен в его учебном пособии, но сделал небольшое добавление, касающееся фрагмента инструкции МВД от 22 октября 1946 года, запрещавшей военнопленным сообщать в письмах сведения о дислокации лагеря и др. (мы уже привели ее содержание в этом аспекте, анализируя монографию О. Д. Базарова) [Кузнецов, 1997, с. 118—119].

3. Освещение переписки японских военнопленных в публикациях российских историков 2000—2017 годов

В начале 2000-х М. Н. Спиридонов и С. В. Карасев защитили кандидатские диссертации, в которых впервые рассмотрели вопросы, связанные с пребыванием японских пленных в лагерях Красноярского края [Спиридонов, 2001] и Читинской области [Карасев, 2002], а С. Г. Сидоров в докторской диссертации, посвященной трудоустройству военнопленных в СССР, затронул и вопрос о переписке, в связи с тем, что руководство страны рассматривало переписку в качестве одной из мер, для того чтобы «поднять производительность труда, дисциплину военнопленных» [Сидоров, 2001, с. 134].

М. Н. Спиридонов уделил вопросу о переписке относительно много внимания. Освещение вопроса он начал с анализа Женевской конвенции от 27 июня 1929 года и советского «Положения о военнопленных» от 1 июля 1941 года. Историк привел сведения из названной конвенции о том, что каждый военнопленный имеет право в недельный срок после прибытия в лагерь послать сообщение своей семье о своем пленении и состоянии здоровья, а также отметил, что в советском документе также предусматривалось право пленного сообщить на родину о своем нахождении в плену «при первой возможности» [Спиридонов, 2001, с. 47]. Однако, подчеркнул историк, вопрос о переписке японских военнопленных был поднят лишь спустя почти год после того, как они оказались на территории СССР — 3 июля 1946 г. в докладной записке министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берия, а сама переписка официально **была разрешена только 22 октября 1946 г.** (выделено мной. — С. С.) приказом МВД СССР «О введении в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии, Корее» [Спиридонов, 2001, с. 47]. Пишет М. Н. Спиридонов и о том, что «почтовая карточка военнопленного» с местом для обратного ответа такой была согласно специальной инструкции. Письма не на бланках и в страны, не фигурирующие в приказе от 22.10.1946 г., — отмечает историк, — не принимались [Спиридонов, 2001, с. 47].

М. Н. Спиридонов указал, что японскому военнопленному разрешалось отправлять родственникам одно письмо в три месяца, но при этом отметил, что «военнопленным, перевыполнявшим норму на производстве, разрешалось отправлять два письма в три месяца» [Спиридонов, 2001, с. 47].

Историк пишет, что письма отправлялись только со штампом «Проверено цензурой», а те, в которых, вопреки запрету, была информация о ме-

стах дислокации предприятий, на которых работали пленные, характере выполняемой ими работы, сведения о других военнопленных, об их смерти, а также послания антисоветского содержания, подлежали конфискации [Спиридонов, 2001, с. 48].

Представляет большой интерес приведенный М. Н. Спиридоновым фрагмент воспоминаний военнопленного Есида Юкио о том, как встретили известие о возможности написать домой японские пленные. Помимо естественной радости от этого известия, некоторые из военнопленных, — как отметил Есида Юкио, — предположили, что «это ловушка или расследование нашего мышления, так как русское командование дало нам указание, что можно писать только буквами (ката-кана), то есть для русских будет легко прочитать и понять» [Спиридонов, 2001, с. 48].

В диссертации С. В. Карасева переписка японских военнопленных с родными и близкими не рассматривается. Лишь в разделе «Оперативно-чекистская работа в лагерях японских военнопленных» в числе задач, поставленных перед лагерной администрацией органами управления НКВД по делам военнопленных, была указана такая задача: «решение вопросов получения и отправки корреспонденции военнопленными» [Карасев, 2002, с. 120].

С. Г. Сидоров в своей диссертации, освещая различные аспекты, связанные с трудоустройством военнопленных, отметил, что переписка «рассматривалась как фактор, имеющий политическое значение и способствующий повышению производительности труда» [Сидоров, 2001, с. 184].

Историк отметил, что японским военнопленным переписка с родными и близкими была разрешена «лишь через год после разрешения переписки немцам, австрийцам, венграм и румынам» — 27 июля 1946 года распоряжением Совета Министров СССР [Сидоров, 2001, с. 184—185].

С. Г. Сидоров также указал, что японцы, в отличие от бывших военнослужащих западных армий, могли отправлять 1 письмо в 3 месяца на специальной почтовой карточке. И в качестве поощрения допускалась отправка еще одного такого письма [Сидоров, 2001, с. 185].

Также историк отметил, что за проступки японский пленный мог быть лишен права переписки на срок от 3 до 5 месяцев [Сидоров, 2001, с. 185]. Отметим, что о лишении японцев переписки как виде наказания, никто ранее не писал.

С. Г. Сидоров также обратил внимание на такой аспект, как попытки незаконного вывоза иностранными военнопленными при репатриации на родину писем и записок, взятых у товарищей. «Подобные записки не-

редко обнаруживались у инвалидов в ботинках, протезах и других тайниках <...> Лица, у которых обнаруживались письма и записки, от репатриации отстранялись», — отметил историк [Сидоров, 2001, с. 191]. Но исследователь не привел таких фактов в отношении японских пленных, находившихся в СССР.

В начале 2000-х годов вопросы, связанные с пребыванием иностранных военнопленных второй мировой войны в лагерях Западной Сибири, начала изучать Н. М. Маркдорф. В центре ее внимания были немецкие пленные, размещенные в этом регионе. Но в последние годы Н. М. Маркдорф вместе с А. А. Долголюком стала публиковать работы об иностранных военнопленных, размещенных на территории всего сибирского региона. В их монографиях, изданных в 2014 и 2016 годах [Долголюк и др., 2014; 2016], присутствует материал о переписке немецких военнопленных и работе сотрудников оперативно-чекистской системы по предотвращению несанкционированной переписки. Историки пишут о вскрытых нарушениях «правил перлюстрации лагерной переписки» немецких военнопленных лагеря № 526. Они отмечают, что имела место и несанкционированная переписка пленных немцев, которой способствовал лагерный персонал, переводчики из числа советских и интернированных немцев; этот персонал «в обход цензорских отделений отправлял письма военнопленных через городские почтовые отделения» [Долголюк и др., 2016, с. 260]. Но о подобных фактах в отношении японских военнопленных авторы не сообщают, как и в целом о переписке бывших военнослужащих японской армии.

Е. Л. Катасонова, опубликовавшая в первой половине 2000-х годов две монографии [Катасонова, 2003; 2005], а в 2004 году защитившая докторскую диссертацию [Катасонова, 2004], о переписке японских военнопленных говорит в контексте отношения к СССР со стороны бывших союзников по второй мировой войне в первые послевоенные годы, а также тревоги у населения Японии за судьбу своих соотечественников. Историк пишет: «Строго дозированная переписка, запрет на посещение лагерей любыми правительственными и общественными организациями, отказ от гуманитарной помощи пленным через иностранные посольства и миссии — <...> <это> отнюдь не способствовало росту доверия к СССР» [Катасонова, 2004, с. 88; 2005, с. 60].

Во второй половине 2000-х годов С. В. Карасев опубликовал новую монографию и защитил докторскую диссертацию [Карасев, 2006; 2007], территориальные рамки которых охватывали все регионы СССР, где находились японские военнопленные. И хотя задачи его исследования предполагали освещение вопроса о переписке, данный вопрос не был раскрыт.

Как и в кандидатской диссертации, в числе задач, поставленных перед лагерной администрацией органами управления НКВД по делам военнопленных, автор указал: «решение вопросов получения и отправки корреспонденции военнопленными» [Карасев, 2002, с. 120; 2006, с. 259; 2007, с. 383]. Но далее отметил: «В силу специфичности вопросы, которые решались органами НКВД-МВД в лагерях военнопленных, не представляется возможным отразить в полном объеме, провести анализ этой работы по всем регионам СССР» [Карасев, 2006, с. 259; 2007, с. 383]. Вопрос о получении и отправке корреспонденции пленными японцами и в докторской диссертации, и в монографии (2006) не был освещен.

В 2016 году С. П. Ким защитил кандидатскую диссертацию, в которой фрагментарно рассмотрел вопрос о переписке японских военнопленных, находившихся на территории СССР. Историк отметил: «Переписка бывших японских солдат и офицеров была разрешена в октябре 1946 г.» [Ким, 2016, с. 247]. Но при этом в сноске историк указал, что «переписка для японских военнопленных была разрешена постановлением Совета Министров СССР № 9302-рс от 27 июля 1946 г.» [Ким, 2016, с. 247]. И тут же отметил: «Инструкция о порядке переписки была введена в действие приказом министра внутренних дел № 00939 «О введении в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Корее, Маньчжурии» от 22 октября 1946 г.» [Ким, 2016, с. 247]. То есть, по мнению исследователя, разрешением переписки следует считать не постановление Совета Министров СССР, а введение в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, что последовало 22 октября 1946 года.

Историк привел не публиковавшиеся ранее данные МВД СССР о том, что из 194 тыс. писем, отправленных японцами к 1 января 1947 года, «лишь в 15 % (в 29 100 письмах) из них были затронуты вопросы политического и идеологического характера. С 1 января по 1 октября 1947 г. японцами были отправлены 547233 письма. Из них положительные отзывы о «демократическом движении» в лагерях МВД и отдельных рабочих батальонах МВС содержали только 10 % (54723) писем, а резко негативные отзывы о нем присутствовали лишь в 2,8 % (15322) писем» [Ким, 2016, с. 173].

Интересна и информация С. П. Кима о располагавшемся во Владивостоке «цензурном управлении». Историк первым опубликовал сведения о штате управления, указав, что он «насчитывал всего 18 человек, включая начальника, двух оперативных сотрудников и 15 переводчиков» [Ким, 2016, с. 248], что было одной из причин «затягивания» процедуры проверки исходящей и входящей корреспонденции.

В том же, 2016-м, году Э.-Б. М. Гучинова опубликовала монографию, в которой говорится о переписке японских военнопленных, находившихся в сибирских лагерях. Э.-Б. М. Гучинова указывает, что переписка японским пленным была разрешена в июле 1946 года [Гучинова, 2016, с. 120]. Предложение о том, чтобы разрешить переписку японским военнопленным, было внесено руководителям страны министром внутренних дел СССР С. Н. Кругловым 3 июля 1946 года: «С. Н. Круглов докладывал руководителям страны, что с одной стороны, среди военнопленных японцев растут демократические настроения, а с другой, по данным МИДа, в Японии усиленно распространяют слухи о якобы невыносимых условиях жизни военнопленных японцев в СССР. В этой связи он предлагал разрешить обмен письмами между военнопленными и их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии и Корее, предоставив военнопленным японцам право посылать одно письмо в три месяца, а имеющим хорошие производственные показатели — два письма в три месяца» [Гучинова, 2016, с. 120].

В русле концепции тоталитаризма Э.-Б. М. Гучинова рассматривает действия военной цензуры и всю систему организации переписки, и, в частности, такие аспекты, предусмотренные правилами: «пустой бланк для ответа», требование к пленному делать запись в почтовой карточке «четким разборчивым почерком обязательно чернилами», и даже качество бумаги, на которой печатали открытки. Э.-Б. М. Гучинова пишет: «Тотальный институт простирает свои щупальца насколько мог: из лагеря в Японию шли одинаковые безликие открытки на серой бумаге, и из Японии в лагерь шли такие же одинаковые безликие открытки» [Гучинова, 2016, с. 120]. Но о каких письмах, в таком случае, писал С. И. Кузнецов (см. выше)? Он утверждал, что наиболее интересные из писем военнопленных, те, которые «доносят чувства бывших солдат по поводу разгрома японской армии и трагедии сибирского интернирования», были в Японии опубликованы [Кузнецов, 1994а, с. 93].

Э.-Б. М. Гучинова освещает работу цензоров: «Цензура проверяла письма из лагеря и письма в лагерь. Перед выдачей письма ставили штамп: проверено цензурой <...> Цензура не просто следила, чтобы нежелательная информация не уходила за рубежи СССР. Специальные сотрудники не только перлюстрировали почту, но и занимались контент-анализом переписки. Отдел цензуры регулярно отчитывался о настроениях пленных высшему должностному лицу в стране — тов. И. Сталину, копии посылали А. Жданову, В. Молотову, Л. Берии. Эти данные собирались по лагерям, суммировались и направлялись в министерство <...> Особо яркие письма переписывались для доклада начальству» [Гучинова, 2016, с. 121]. Письма

отрицательного характера, — подчеркивает исследователь, — конфисковывались [Гучинова, 2016, с. 121].

Отметим и суждение Э.-Б. М. Гучиновой в отношении оценки работы политических органов, активистов, лагерной администрации в зависимости от анализа текстов посланий, отправляемых военнопленными на родину: «Чем больше было написано писем с позитивными отзывами об СССР, тем лучше считалась работа актива и лагерной администрации» [Гучинова, 2016, с. 121].

Завершим анализ работ российских историков обращением к трудам А. Л. Кузьминых [Кузьминых, 2014а; 2014б; 2016] и М. В. Ходякова [Ходяков, 2014а; 2014б; 2016], опубликованным в 2014—2016 годах.

А. Л. Кузьминых в диссертации, монографии и статье проанализировал организацию переписки иностранных военнопленных второй мировой войны в СССР. Опубликованный им материал (в том числе о переписке бывших военнослужащих японской армии), а также оценки и суждения следует оценить как значимые.

Историк отмечает, что органы НКВД-МВД отводили переписке большое значение в политической работе с военнопленными [Кузьминых, 2016, с. 334].

А. Л. Кузьминых, как и Э.-Б. М. Гучинова, напрямую связал принятие в июле 1946 году руководством страны решения о разрешении переписки между пленными японцами и их родными с желанием пресечь распространяющиеся в Японии слухи «о невыносимых условиях жизни военнопленных в Советском Союзе» [Кузьминых, 2014а, с. 89; 2016, с. 338]. Но, в отличие от Э.-Б. М. Гучиновой, не указал важную составляющую такого решения: рост демократических настроений среди пленных в связи с разворачивающейся политической работой в лагерях. А. Л. Кузьминых отметил, что военнопленным разрешалось сообщать не только информацию о состоянии своего здоровья, бытовых условиях, но и о политических настроениях [Кузьминых, 2014а, с. 88]. Но вряд ли руководство страны и МВД пошло бы на это, не будучи уверенным в положительных результатах политического «перевоспитания». Кроме того, к середине 1946 года стали видны первые результаты усилий по улучшению условий жизни японских пленных (по сравнению с осенью 1945 года) [см.: Серебренников, 2017а; 2017б; 2017в]. К тому же, очевидно, рассчитывали на то, что пленные будут в основном рассказывать о «благополучных» условиях в лагере из-за нежелания тревожить родственников, а также стремления «сохранить лицо» (ведь жаловаться на жизнь не очень красиво).

Значимы опубликованные А. Л. Кузьминых сведения о том, что с января по октябрь 1947 года «через цензорское отделение УМВД Приморского края отправлено за границу 547 233 письма пленных японцев», а из-за границы на их адреса поступили из Японии — 257 119, из Маньчжурии, Кореи и Южного Сахалина — 1789, а в целом — 258 908 писем [Кузьминых, 2014а, с. 89].

Ценен и приведенный историком анализ исходящей за период с января по октябрь 1947 года корреспонденции. Он важен с точки зрения оценки пленными их содержания в лагерях (удовлетворенность / неудовлетворенность условиями содержания, питания, медицинского обеспечения и т. д.), а также оценки эффективности политической работы среди них: «В процессе просмотра исходящей корреспонденции было выявлено писем с положительными отзывами: 65 % — о Советском Союзе, 17 % — о питании и содержании в лагерях, 10 % — о демократическом движении и коммунистической партии Японии. Писем отрицательного характера (недовольство условиями содержания и питания в плену) — 2,8 %» [Кузьминых, 2014а, с. 89].

А. Л. Кузьминых отметил, что лагерные начальники «регулярно информировали центр о содержании переписки, приводя в докладных записках характерные высказывания как положительного, так и отрицательного характера» [Кузьминых, 2016, с. 339].

Кроме того, А. Л. Кузьминых первым из исследователей затронул такой вопрос, как переписка иностранных граждан, осужденных военными трибуналами. Он указал, что распоряжением МВД СССР от 12 июня 1947 года № 370 сс переписка для таких иностранцев была запрещена, а 23 ноября 1949 был введен запрет на переписку всех категорий осужденных и подследственных военнопленных [Кузьминых, 2014а, с. 90; 2016, с. 340]. Но в апреле 1952 года осужденные японские военнопленные и интернированные получили право отправлять на родину письма. Это разрешение они получили спустя полтора года после соответствующего разрешения для осужденных немецких военнопленных [Кузьминых, 2014а, с. 90; 2016, с. 340341].

В монографии М. В. Ходякова, посвященной иностранным военнопленным второй мировой войны в лагерях НКВД-МВД СССР на территории Эстонии, затрагивается вопрос об их переписке с родными и близкими [Ходяков, 2016]. Кроме того, ранее он посвятил переписке много внимания в статье о настроениях иностранных военнопленных в лагерях НКВД-МВД, а также опубликовал специальную статью по этой проблеме [Ходяков, 2014б, с. 169—181; 2014а, с. 39—54].

Историк указывает, что «сам факт получения письма или открытки из дома оказывал огромное влияние не только на моральное, но и на физическое состояние людей <...> Вместе с тем, переписка становилась важнейшим каналом для получения информации о настроениях военнопленных, а также мощным пропагандистским рычагом в деле идеологической обработки военнопленных» [Ходяков, 2014а, с. 52].

М. В. Ходяков отметил, что согласно принятым правилам, подтвержденным распоряжением МВД СССР от 15 апреля 1947 года, закрытые письма не должны были ни отправляться, ни доходить до военнопленных [Ходяков, 2014а, с. 48]. Но вскоре, — указал автор, — ситуация с перепиской изменилась и советское руководство разрешило узникам войны «посылать один раз в квартал закрытые письма на родину» [Там же]. О возможности отправлять не только открытки, но и, с 1948 года, закрытые письма, писал и А. Л. Кузьминых [Кузьминых, 2016, с. 340]. Это нововведение преследовало цель, при видимой демократизации, усилить оперативный контроль за настроениями военнопленных.

Но, по нашим сведениям, никто из историков не писал о том, что японские военнопленные также отправляли (с 1948 года) закрытые письма.

4. Освещение переписки японских военнопленных в публикациях зарубежных исследователей 2000—2017 годов

Зарубежные исследователи, посвятившие свои исследования пребыванию японских военнопленных на территории СССР, также затрагивали вопрос о переписке.

Японский профессор Такэси Томита опубликовал работы [Томита, 2011; 2015; 2017], в которых освещен целый ряд важных вопросов, имеющих отношение к пребыванию японцев в лагерях СССР. В работах, изданных в 2011 и 2015 годах, он затрагивает вопрос о переписке. Характеризуя обращение с японскими пленными, он указал: «было грубо ограничено право на связь с внешним миром», хотя и отметил (через несколько строк), что «переписку с семьями военнопленных стали понемногу разрешать с осени 1946 года» [Томита, 2015, с. 538]. Осталось неясным: 1) что имел в виду японский историк, когда писал о *грубом ограничении* права на связь с внешним миром; 2) что означает фраза «переписку <...> стали понемногу разрешать с осени 1946 года» (в работах С. Г. Сидорова, А. Л. Кузьминых, Э.-Б. М. Гучиновой, С. П. Кима (см. выше), в сборнике документов «Японские военнопленные в СССР: 1945—1956» [Японские военнопленные ..., 2013, с. 297] о постепенном (поэтапном) разрешении переписки не говорится).

В статье, опубликованной в 2011 году, Т. Томита привел анализ, осуществленный во второй половине 1940-х годов сотрудниками штаб-квартиры оккупационных войск в Японии (GHQ). Они анализировали письма японских военнопленных, написанные в период пребывания в лагерях СССР, и письма, написанные ими уже после репатриации.

Представляют интерес оценки, которые привел Т. Томита в статье: «Письма японских военнопленных свидетельствуют о восстановлении советской экономики и об относительной эффективности советской идеологической обработки. Изменяется общая картина — власти удваивают усилия, чтобы знакомить японских военнопленных с советской действительностью. Условия проживания и работы улучшаются, а в некоторых лагерях даже разрешается контролируемое самоуправление (по данным анализа 129 000 писем в мае 1948 г.)» [Томита, 2011, с. 598].

Швейцарский исследователь Рихард Дэлэр, подготовил и опубликовал в 2001 году дипломную работу «Японские военнопленные в сибирском плену 1945—1956 гг. Переосмысление лагерных событий на словах и картинках» [Дэлэр, 2001], а в 2006 году — диссертацию «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945—1956. Сравнение воспоминаний о пережитом» [Делер, 2006].

Он, в отличие от других авторов, сообщил: «переписка с семьей была вначале ограничена одной открыткой, объемом не более 25 слов», а затем «двумя — четырьмя письмами в год» [Дэлэр, 2001, с. 10], но не разъяснил, как долго длилось ограничение количества отправляемых открыток (то есть как долго отправляли одну открытку в год). Говоря о двух — четырех письмах в год, он, возможно, имел в виду и дополнительные открытки, которые разрешено было отправлять тем пленным, кто перевыполнял производственные нормы.

Что же касается ограничения по количеству слов, то они, очевидно, диктовались размерами самой открытки. Вряд ли цензоры, о которых Рихард Дэлэр также упоминает, считали количество слов.

Обращает на себя внимание и то, что в заключительном разделе диссертации он ничего не говорит о переписке (возможно, считая этот вопрос не таким важным, как другие) [Дэлэр, 2006].

В последние два с небольшим десятилетия появились диссертации, ряд монографий и большое количество научных статей о пребывании иностранных военнопленных, в том числе японцев, в различных регионах Казахстана [Бекмагамбетов, 2014; Михеева, 2010; Жанбосинова, 2012; Жангуттин, 2008]. По данным, опубликованным Б. О. Жангуттином,

к 1946 году в лагерях Казахской ССР содержались 27 648 японцев [Жангуттин, 2008, с. 112].

В этих работах дан обстоятельный анализ целого ряда вопросов: размещения военнопленных, их трудового использования, политической работы среди военнопленных и др.; однако переписка японских военнопленных и интернированных рассматривается в лучшем случае фрагментарно.

5. Выводы

Анализ работ показывает, что ряд исследователей (А. Л. Кузьминых, С. И. Кузнецов, С. Г. Сидоров, М. Н. Спиридонов, Т. Томита и др.) провели изучение вопросов темы и опубликовали значимый материал о переписке японских военнопленных, находившихся в различных регионах СССР, с родными и близкими.

К настоящему времени выявлено, что:

— переписка японских военнопленных с родными и близкими была разрешена лишь в середине 1946 года — то есть спустя почти год после их пленения и «лишь через год после разрешения переписки немцам, австрийцам, венграм и румынам» [Сидоров, 2001, с. 184—185]; японские пленные получили возможность писать родственникам, проживающим в Японии, Маньчжурии и Корее, и получать от них ответные послания;

— переписка японским военнопленным была разрешена не только с целью демонстрации Советским руководством соблюдения СССР норм международного права (положений Женевских конвенций 1929 и 1949 годов). Ее разрешили и для «разоблачения» активно распространявшихся в Японии слухов о «невыносимых условиях жизни военнопленных в Советском Союзе» (рассчитывая, что к родственникам пленных попадут проверенные цензурой письма (открытки) с положительными отзывами об условиях жизни в плену), и с целью усиления воздействия на самих военнопленных (нормализации внутрилагерной обстановки, укрепления дисциплины в лагерных отделениях, стимулирования роста производительности труда и т. д.). Учитывалось то, что письма из дома давали военнопленным моральную, эмоциональную поддержку, и в целом переписка улучшала микроклимат и атмосферу в лагерях. Наконец, переписка позволяла отслеживать настроения военнопленных, что повышало эффективность политической и оперативной работы;

— «цензурное управление» располагалось во Владивостоке; оно проводило большую работу по проверке исходящей и входящей корреспонденции. Управление насчитывало небольшой штат сотрудников — 18 чел., что не соответствовало потребностям и являлось одной из причин, по которой

«затягивалась» процедура проверки корреспонденции. Цензоры не просто следили, чтобы нежелательная информация не уходила к адресатам. Специальные сотрудники занимались контент-анализом переписки. «Особо яркие письма» (выражение Э.-Б. Гучиновой) переписывались для доклада начальству. Письма «отрицательного характера» конфисковывались. Чем больше было написано писем с позитивными отзывами об СССР, тем более высокую оценку получала работа лагерной администрации и актива;

— японцы могли отправлять одно письмо (почтовую карточку) в три месяца (военнопленным же германской армии разрешалось отправлять одну карточку в месяц [Кузьминых, 2014б, с. 397]). В качестве поощрения допускалась отправка японским военнопленным еще одного такого письма. За проступки японский пленный мог быть лишен права переписки на срок от 3 до 5 месяцев.

Вместе с тем обнаружилась потребность в специальном исследовании комплекса проблем, непосредственно связанных с перепиской японских военнопленных, находившихся в СССР в 1945—1956 годах. В подобном комплексном исследовании необходимо отразить и такие стороны этой темы, которые пока либо не освещены в исторической литературе, либо отражены фрагментарно, в том числе:

— необходимо выявить точные сведения о том, когда начала осуществляться переписка японских военнопленных с родными и близкими.

Трудно не согласиться с мнением С. Г. Сидорова, А. Л. Кузьминых и Э.-Б. М. Гучиновой о том, что официально переписка японских военнопленных была разрешена в июле 1946 года. Но не менее важным является вопрос о начале переписки. Фактическое осуществление переписки началось, судя по всему, с октября 1946 года. Об этом говорит следующее: отсутствие в исторических трудах зафиксированных фактов переписки до октября 1946 года; опубликованная исследователями информация о приказе МВД СССР № 00939 «О введении в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии, Корее» от **22 октября 1946 года**, а также инструкции, регламентирующей порядок обмена почтовыми карточками.

В то же время остается неясным: почему С. П. Ким в своей диссертации написал: «Переписка бывших японских солдат и офицеров **была разрешена в октябре 1946 г.**», а в сноске указал: «Переписка для японских военнопленных **была разрешена** постановлением Совета Министров СССР № 9302-рс **от 27 июля 1946 г.** (выделено мной. — С. С.)» [Ким, 2016, с. 247]. Более логичной выглядит позиция М. Н. Спиридонова, который подчеркнул, что вопрос о переписке японских военнопленных «**был**

поднят лишь **3 июля 1946 г.** (выделено мной. — С. С.) в докладной записке министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берия», а сама переписка «официально *была разрешена только 22 октября 1946 г.*» (выделено мной. — С. С.) приказом МВД СССР «О введении в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии, Корею» [Спиридонов, 2001, с. 47]. При этом М. Н. Спиридонов ничего не пишет о постановлении Совета Министров СССР № 9302-рс от 27 июля 1946 года.

Но совершенно ясно, что «наладиться», — как писал О. Д. Базаров, — к середине 1946 года [Базаров, 1992, с. 73] переписка никак не могла;

— необходимы более подробные данные о количестве открыток (и, возможно, писем), отправленных японскими военнопленными и интернированными, находившимися в СССР, а также направленных им из-за рубежа; о количестве единиц посланий, задержанных и конфискованных цензурой. Эти сведения необходимо выявить как в целом по стране за годы пребывания японцев на территории СССР, так и по конкретным регионам страны и лагерям японских военнопленных;

— требуется более детальное изучение вопроса о такой форме стимулирования добросовестного труда пленных, как разрешение отправлять на родину дополнительные письма (открытки). Пока же имеется лишь информация историков о том, что военнопленным, перевыполнявшим нормы на производстве, разрешалось отправлять не одно, а два письма в три месяца;

— требуется обстоятельное выявить содержание тех докладных записок, которые территориальные УВД—УМВД регулярно направляли в центр, приводя в них наиболее характерные выдержки из переписки военнопленных с родными и близкими как положительного, так и отрицательного характера. «Письма, — как справедливо отмечает А. Л. Кузьминых, — являлись источником, содержащим информацию не только о положении в лагерях, но и о ситуации в странах, в которых проживали родственники военнопленных» [Кузьминых, 2014а, с. 89].

— нужен анализ выполнения приказов наркома (министра) НКВД (МВД), направленных на налаживание переписки японских военнопленных и ее регулирование; более полное выявление и анализ тех трудностей в организации переписки, которые имели место (нехватка бланков почтовых открыток, задержки корреспонденции в пути по различным причинам и т. д.);

— следует всесторонне осветить вопрос о цензуровании переписки японских военнопленных; также важно подробнее раскрыть этот канал получения информации о настроениях военнопленных;

— требуется выявить, разрешалось ли японским военнопленным писать, как военнопленным германской армии (с 1948 года), «закрытые» письма на родину и, соответственно, получать такие послания;

— необходимо выявить, имела ли место нелегальная («несанкционированная») переписка японских военнопленных, использование ими техники тайнописи;

— важно также более полно изучить вопрос о переписке японских военнопленных, находившихся под следствием и осужденных военными трибуналами;

Видный историк советского военного плена А. Л. Кузьминых отмечал, что переписка с родными и близкими являлась важным инструментом политической работы с военнопленными и интернированными. Она, во-первых, улучшала атмосферу и микроклимат в лагерях, во-вторых, позволяла следить за настроениями узников войны, что повышало эффективность политической и оперативной работы, в-третьих, стала важным аргументом СССР перед международным сообществом, свидетельствующим о соблюдении Советским государством принципов и норм международного права [Кузьминых, 2014а, с. 90].

Всесторонний анализ переписки, организации почтовых отправок еще предстоит осуществить историкам, изучающим пребывание японских военнопленных на территории СССР.

Источники и принятые сокращения

1. *Японские военнопленные в СССР, 1945—1956 : сборник документов* / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. — Москва : МФД, 2013. — 784 с.

Литература

1. *Базаров О. Д.* «Сибирское интернирование» : японские военнопленные в Бурятии (1945—1948 гг.) / О. Д. Базаров. — Улан-Удэ : ВСГАКИ, 1997. — 93 с.

2. *Базаров О. Д.* Что известно о японских военнопленных, содержавшихся в Бурятии после окончания второй мировой войны / О. Д. Базаров // История Бурятии в вопросах и ответах. — Улан-Удэ : Сибирь, 1992. — Вып. 3. — С. 71—74.

3. *Бекмагамбетов Р. К.* Военнопленные на территории Казахстана / Р. К. Бекмагамбетов. — Костанай : Костанайская академия МВД РК, 2014. — 166 с.

4. *Галицкий В. П.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена / В. П. Галицкий // Социологические исследования. — 1991. — № 10. — С. 48—63.

5. *Гучинова Э.-Б.* Рисовать лагерь. Язык травмы и памяти японских военнопленных о СССР [Электронный ресурс] / Э.-Б. Гучинова. — Режим доступа : <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016>.

6. Долголюк А. А. Военнопленные в Сибири (1943—1950 гг.) : историческое исследование и документальные материалы / А. А. Долголюк, Н. М. Маркдорф. — Новосибирск : НГПУ, 2014. — Часть I. — 254 с.
7. Долголюк А. А. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири (1943—1950) / А. А. Долголюк, Н. М. Маркдорф. — Москва : Кучково поле ; Императорское русское историческое общество, 2016. — 544 с.
8. Дэлэр Р. Японские военнопленные в сибирском плену 1945—1956 гг. Переосмысление лагерных событий на словах и картинках : русское сокращенное изложение [Электронный ресурс] / Р. Дэлэр // Interculture EU-RO-NI. — Режим доступа : http://eu-ro-ni.ch/publications/Liz_rus.pdf.
9. Дэлэр Р. Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945—1956 гг. Сравнение их сообщений о пережитом : диссертация / Р. Дэлэр // Interculture EU-RO-NI. — Режим доступа : http://eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf.
10. Жанбосинова А. С. Лагерная система Восточного Казахстана как составная часть ГУЛАГА-ГУПВИ / А. С. Жанбосинова. — Усть-Каменогорск : ВКТУ им. С. Аманжолова, 2012. — 96 с.
11. Жангуттин Б. О. ГУПВИ : военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941—1951 гг.) / Б. О. Жангуттин // Российская история. — 2008. — № 2. — С. 107—114.
12. Карасев С. В. История плена : советско-японская война и ее последствия (1945—1956 годы) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. В. Карасев. — Иркутск, 2007. — 518 с.
13. Карасев С. В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945—1956 годы) / С. В. Карасев. — Иркутск : ИрГТУ, 2006. — 354 с.
14. Карасев С. В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945—1949 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. В. Карасев. — Иркутск, 2002. — 225 с.
15. Катасонова Е. Л. Последние пленники Второй мировой войны : малоизвестные страницы российско-японских отношений / Е. Л. Катасонова. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2005. — 257 с.
16. Катасонова Е. Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (РФ) и Японии (1945—2003 гг.). Исторический аспект : диссертация ... доктора исторических наук / Е. Л. Катасонова. — Москва, 2004. — 507 с.
17. Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР : большая игра великих держав / Е. Л. Катасонова. — Москва : Институт востоковедения РАН ; Крафт+, 2003. — 432 с.
18. Кузнецов С. И. Политика советского государства в отношении японских военнопленных советско-японской войны 1945 г. / С. И. Кузнецов // Сибирская ссылка : сборник научных статей / ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. — Иркутск : Оттиск, 2011. — Вып. 6 (18). — С. 580—591.
19. Кузнецов С. И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после второй мировой войны : учебное пособие / С. И. Кузнецов. — Иркутск : ИГУ, 1994а. — 190 с.

20. Кузнецов С. И. Японские военнопленные в СССР после второй мировой войны (1945—1956 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. И. Кузнецов. — Иркутск, 1994б. — 346 с.
21. Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945—1956 гг.) / С. И. Кузнецов. — Иркутск : Издательство журнала «Сибирь», 1997. — 261 с.
22. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939—1956 годы) / А. Л. Кузьминых. — Вологда : Древности Севера, 2016. — 527 с.
23. Кузьминых А. Л. Организация переписки военнопленных и интернированных в СССР / А. Л. Кузьминых // Человек: преступление и наказание (Рязань). — 2014а. — № 2 (85). — С. 87—90.
24. Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР генезис, функционирование, лагерный опыт (1939—1956 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. Л. Кузьминых. — Архангельск, 2014б. — 579 с.
25. Михеева Л. В. Иностранные военнопленные и интернированные второй мировой войны в Центральном Казахстане (1941 — начало 1950-х гг.) / Л. В. Михеева. — Караганда : МГТИ-Лингва, 2010. — 208 с.
26. Серебренников С. В. Вещевое обеспечение японских военнопленных на территории СССР в 1945—1956 гг. (страницы отечественной и зарубежной историографии) / С. В. Серебренников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017а. — № 8 (121). — С. 159—171.
27. Серебренников С. В. Медицинское обслуживание японских военнопленных в лагерях и спецгоспиталях Сибири и Дальнего Востока СССР (1945—1950 гг.) (вопросы отечественной историографии) / С. В. Серебренников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017б. — № 10 (84). — Ч. 1. — С. 152—159.
28. Серебренников С. В. Продовольственное обеспечение японских военнопленных на территории Сибири и Дальнего Востока СССР (1945—1950 гг.) : страницы отечественной историографии / С. В. Серебренников // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017в. — Том 9, № 4. — Часть 1. — С. 64—80.
29. Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939—1956 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. Г. Сидоров. — Волгоград, 2001. — 428 с.
30. Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945—1948 гг.) : проблемы размещения, содержания и трудового использования : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Н. Спиридонов. — Красноярск, 2001. — 304 с.
31. Суржикова Н. В. Новейшая отечественная историография проблем военного плена Второй мировой войны / Н. В. Суржикова // Историк в меняющемся пространстве российской культуры : сборник статей. — Челябинск : Каменный пояс, 2006. — С. 387—396.
32. Томита Т. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945—1956 гг. / Т. Томита // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2011. — Вып. 6 (18). — С. 592—609.

33. *Томита Т.* Интернированные в Сибирь японцы и их участие в общественном движении после возвращения на родину / Т. Томита // Российско-японские отношения в формате параллельной истории : коллективная монография. — Москва : МГИМО-Университет, 2015. — С. 531—561.

34. *Томита Т.* Немецкие и японские военнопленные в СССР : сравнительно-историческая оценка / Т. Томита // Сибирская ссылка : сборник научных статей. — Иркутск : Оттиск, 2017. — Вып. 8 (20). — С. 453—463.

35. *Ходяков М. В.* Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны в лагерях НКВД-МВД Эстонии. 1944—1949 гг. / М. В. Ходяков. — Санкт-Петербург : Бумажные книги, 2016. — 320 с.

36. *Ходяков М. В.* Переписка иностранных военнопленных в лагерях НКВД—МВД Эстонии во второй половине 1940-х гг. / М. В. Ходяков // Новейшая история России. — 2014а. — № 2 (10). — С. 39—55.

37. *Ходяков М. В.* «Я никогда не стану другом Советского Союза» : настроения иностранных военнопленных в лагерях НКВД-МВД во второй половине 1940-х гг. / М. В. Ходяков // Петербургский исторический журнал. — 2014б. — № 1. — С. 169—181.

Correspondence of Japanese War Prisoners in Camps of People's Commissariat for Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the USSR (1945—1956): Review of Domestic and Foreign Historiography

© **Serebrennikov Sergey Vladimirovich (2018)**, orcid.org/0000-0002-4019-2292, PhD in History (Kemerovo, Russia), Serebrennikov_S@list.ru.

For the first time the features of lighting by domestic and foreign researchers the correspondence of Japanese prisoners of war in the camps of the People's Commissariat for Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the USSR (1945—1956) are considered. The article contains a historiographical analysis of the work of historians of Russia, Kazakhstan, Switzerland, Japan, published in the period from 1992 to 2017, which in varying degrees covered the correspondence of Japanese prisoners of war. Data on various aspects of the topic contained in the theses and monographs, scholarly articles by Russian and foreign researchers are identified and analyzed. The author pointed out that to date, despite the large number of scientific papers on Japanese prisoners of war, any work is not published devoted to the correspondence of the Japanese prisoners of war in camps in the Soviet Union. Nevertheless, the question reflects in dissertations, monographs, scientific articles on foreign prisoners of war of World war II in the Soviet Union. However, the analysis of historians' coverage of Japanese prisoners of war correspondence with family and friends is undertaken in this article for the first time. Both achievements and understudied aspects of the problem are identified. A number of issues and promising directions that require further study are revealed.

Key words: Japanese war prisoners in the Soviet Union; Main Directorate for POWs and internees; camps of People's Commissariat for Internal Affairs-Ministry of Internal Af-

fairs of the USSR; correspondence of war prisoners; censorship; Russian historiography; foreign historiography.

Material resources

Gavrilov, V. A., Katasonova, E. L. (eds.). 2013. *Yaponskiye voyennoplennyye v SSSR, 1945—1956: sbornik dokumentov*. Moskva: MFD. (In Russ.).

References

- Bazarov, O. D. 1992. Chto izvestno o yaponskikh voyennoplennnykh, sodержavshikhnya v Buryatii posle okonchaniya vtoroy mirovoy voyny. In: *Istoriya Buryatii v voprosakh i otvetakh*. Ulan-Ude: Sibir'. 3 (In Russ.).
- Bazarov, O. D. 1997. «*Sibirskoye internirovaniye*»: yaponskiye voyennoplennyye v Buryatii (1945—1948 gg.). Ulan-Ude: VSGAKI. (In Russ.).
- Bekmagambetov, R. K. 2014. *Voyennoplennyye na territorii Kazakhstana*. Kostanay: Kostanayskaya akademiya MVD RK (In Russ.).
- Deler, R. Yaponskiye i nemetskiye voyennoplennyye v Sovetskom Soyuze 1945—1956 gg. Sravneniye ikh soobshcheniy o perezhitom: dissertatsiya. In: *Interculture EU-RO-NI*. Available at: [http:// eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf](http://eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf). (In Russ.).
- Deler, R. Yaponskiye voyennoplennyye v sibirskom plenu 1945—1956 gg. Pereosmysleniye lagernykh sobyitiy na slovakh i kartinkakh: russkoye sokrashchennoye izlozheniye. In: *Interculture EU-RO-NI*. Available at: http://eu-ro-ni.ch/publications/Liz_rus.pdf. (In Russ.).
- Dolgolyuk, A. A., Markdorf, N. M. 2014. *Voyennoplennyye v Sibiri (1943—1950 gg.): istoricheskoye issledovaniye i dokumentalnye materialy*. Novosibirsk: NGPU. 1. (In Russ.).
- Dolgolyuk, A. A., Markdorf, N. M. 2016. *Inostrannyye voyennoplennyye i internirovaniye v Sibiri (1943—1950)*. Moskva: Kuchkovo pole; Imperatorskoye russkoye istoricheskoye obshchestvo. (In Russ.).
- Galitskiy, V. P. 1991. Sotsialno-psikhologicheskoye aspekty mezhgruppovykh otnosheniy v usloviyakh voyennogo plena. *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, 10: 48—63. (In Russ.).
- Guchinova, E.-B. *Risovat' lager' . Yazyk travmy i pamyati yaponskikh voyennoplennnykh o SSSR*. Available at : [http:// src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016](http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016). (In Russ.).
- Karasev, S. V. 2002. *Yaponskiye voyennoplennyye na territorii Chitinskoy oblasti (1945—1949 gg.): dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk*. Irkutsk. (In Russ.).
- Karasev, S. V. 2006. *Problemy plena v sovetsko-yaponskoy voyne i ikh posledstviya (1945—1956 gody)*. Irkutsk: IrGTU. (In Russ.).
- Karasev, S. V. 2007. *Istoriya plena: sovetsko-yaponskaya voyna i eye posledstviya (1945—1956 gody): dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk*. Irkutsk. (In Russ.).

- Katasonova, E. L. 2003. *Yaponskiye voyennoplennyye v SSSR: bolshaya igra velikikh derzhav*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN; Kraft +. (In Russ.).
- Katasonova, E. L. 2004. *Resheniye gumanitarnoy problemy yaponskikh voyennoplennyykh v otnosheniyakh SSSR (RF) i Yaponii (1945—2003 gg.). Istoricheskiy aspekt*: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk. Moskva (In Russ.).
- Katasonova, E. L. 2005. *Posledniye plenniki Vtoroy mirovoy voyny: maloizvestnyye stranitsy rossiysko-yaponskikh otnosheniy*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN (In Russ.).
- Khodyakov, M. V. 2014a. *Perepiska inostrannykh voyennoplennyykh v lageryakh NKVD—MVD Estonii vo vtoroy polovine 1940-kh gg. Noveyshaya istoriya Rossii*, 2 (10): 39—55. (In Russ.).
- Khodyakov, M. V. 2014b. «Ya nikogda ne stanu drugim Sovetskogo Soyuz»: nastroyeniya inostrannykh voyennoplennyykh v lageryakh NKVD-MVD vo vtoroy polovine 1940-kh gg. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, 1: 169—181. (In Russ.).
- Khodyakov, M. V. 2016. *Inostrannyye voyennoplennyye Velikoy Otechestvennoy voyny v lageryakh NKVD-MVD Estonii. 1944—1949 gg.* Sankt-Peterburg: Bu-mazhnyye knigi. (In Russ.).
- Kuzminykh, A. L. 2014a. Organizatsiya perepiski voyennoplennyykh i internirovannykh v SSSR. *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye (Ryazan')*, 2 (85): 87—90. (In Russ.).
- Kuzminykh, A. L. 2014b. *Sistema voyennogo plena i internirovaniya v SSSR genezis, funktsionirovaniye, lagernyy opyt (1939—1956 gg.): dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk.* Arkhangelsk. (In Russ.).
- Kuzminykh, A. L. 2016. *Voyennyy plen i internirovanie v SSSR (1939—1956 gody)*. Vologda: Drevnosti Severa. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. I. 1994a. *Problema voyennoplennyykh v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh posle vtoroy mirovoy voyny: uchebnoye posobiye*. Irkutsk: IGU. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. I. 1994b. *Yaponskiye voyennoplennyye v SSSR posle vtoroy mirovoy voyny (1945—1956 gg.): dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk.* Irkutsk. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. I. 1997. *Yapontsy v sibirskom plenu (1945—1956 gg.)*. Irkutsk: Izdatelstvo zhurnala «Sibir'». (In Russ.).
- Kuznetsov, S. I. 2011. Politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii yaponskikh voyennoplennyykh sovetsko-yaponskoy voyny 1945 g. In: Ivanov, A. A., Kuznetsov, S. I., Shostakovich, B. S. (eds.). *Sibirskaya ssylka sbornik nauchnykh statey*. Irkutsk: Ottisk. 6 (18). (In Russ.).
- Mikheeva, L. V. 2010. *Inostrannyye voyennoplennyye i internirovannyye vtoroy mirovoy voyny v Tsentralnom Kazakhstane (1941 — nachalo 1950-kh gg.)*. Karaganda: MGTI-Lingva. (In Russ.).
- Serebrennikov, S. V. 2017a. Veshchevoye obespecheniye yaponskikh voyennoplennyykh na territorii SSSR v 1945—1956 gg. (stranitsy otechestvennoy i zaru-

- bezhnoy istoriografii). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8 (121): 159—171. (In Russ.).
- Serebrennikov, S. V. 2017b. Meditsinskoye obsluzhivaniye yaponskikh voyennoplennykh v lageryakh i spetsgospitalyakh Sibiri i Dalnego Vostoka SSSR (1945—1950 gg.) (voprosy otechestvennoy istoriografii). *Istoricheskiye, filosofskiyey, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 10 (84): 152—159. (In Russ.).
- Serebrennikov, S. V. 2017v. Prodovolstvennoye obespecheniye yaponskikh voyennoplennykh na territorii Sibiri i Dalnego Vostoka SSSR (1945—1950gg.): stranitsy otechestvennoy istoriografii. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl'*, 9/4: 64—80. (In Russ.).
- Sidorov, S. G. 2001. *Trud voyennoplennykh v SSSR. 1939—1956 gg.*: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk. Volgograd. (In Russ.).
- Spiridonov, M. N. 2001. *Yaponskiye voyennoplennyye v Krasnoyarskom krae (1945—1948 gg.): problemy razmeshcheniya, soderzhaniya i trudovogo ispolzovaniya*: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Surzhikova, N. V. 2006. Noveyshaya otechestvennaya istoriografiya problem voyennogo plena Vtoroy mirovoy voyny. In: *Istoriya v menyayushchemsya prostranstve rossiyskoy kultury: sbornik statey*. Chelyabinsk: Kamennyy po yas. (In Russ.).
- Tomita, T. 2011. Arkhivnyye dokumenty o yaponskikh voyennoplennykh v Sovetskom Soyuze, 1945—1956 gg. In: *Sibirskaya ssylka: sbornik nauchnykh statey*. Irkutsk: Ottisk. 6 (18). (In Russ.).
- Tomita, T. 2015. Internirovannyye v Sibir' yapontsy i ikh uchastiye v obshchestvennom dvizhenii posle vo zrashchenii na ro dinu. In: *Rossiysko-yaponskiye otnosheniya v formate parallelnoy istorii: kollektivnaya monografiya*. Moskva: MGIMO-Universitet. (In Russ.).
- Tomita, T. 2017. Nemetskiye i yaponskiye voyennoplennyye v SSSR: sravnitel'no-istoricheskaya otsenka. In: *Sibirskaya ssylka: sbornik nauchnykh statey*. Irkutsk: Ottisk. 8 (20). (In Russ.).
- Zhanbosinova, A. S. 2012. Lager'naya sistema Vostochnogo Kazakhstana kak sostavnaya chast' GULAGA-GUPVI. Ust'-Kamenogorsk: VKGU im. S. Amanzholova. (In Russ.).
- Zhanguttin, B. O. 2008. GUPVI: voyennoplennyye i internirovannyye na territorii Kazakhstana (1941—1951 gg.). *Rossiyskaya istoriya*, 2: 107—114. (In Russ.).